

ЭНН ПЕРРИ
ТУМАН НАД ПАРАГОН-УОК
Глава первая

Инспектор Томас Питт взглянул на девушку, и его охватило непреодолимое чувство утраты. Он никогда не встречал ее раньше, при жизни, но был глубоко опечален при мысли о том, сколько всего она в этой жизни не успела.

Девушка была стройной, с блестящими темными волосами – все еще ребенок в свои семнадцать лет. На белом столе морга она выглядела хрупкой; казалось, дотронься до нее, и она сломается. Но девушка боролась за свою жизнь – на руках у нее были видны синяки.

Она была в дорогом шелковом платье цвета лаванды, шею украшала золотая цепочка с жемчугом – красивые безделушки, которые Томас никогда не мог себе позволить. Они гляделись простовато перед лицом смерти – и, тем не менее, Питту очень хотелось иметь возможность подарить такие вещицы своей Шарлотте.

При мысли о жене, находящейся сейчас в безопасности уютного дома, у него сжалось сердце. Любил ли какой-нибудь мужчина эту девушку так же, как он сам любил Шарлотту? Был ли кто-то, для кого вдруг, в один миг исчезло все чистое, яркое и нежное, весь смех и радость внезапно оборвались вместе с уходом из жизни этого хрупкого создания?

Инспектор заставил себя снова посмотреть на девушку; его взгляд избегал раны в ее груди и ручейка крови, к этому времени уже подсохшей. Белое лицо было невыразительным. Выражение удивления – или ужаса – разгладилось, черты заострились.

Она жила на Парагон-уок¹ – в очень богатом, очень модном и, без сомнения, очень праздном квартале. У Томаса не было с убитой ничего общего. Всю жизнь он вкалывал – с тех пор, как ушел из хозяйского поместья, где так же вкалывал его отец; ушел, не имея ничего, кроме картонной коробки с расческой и сменной рубашкой, а также некоторых знаний, которые он получил, присутствуя на уроках хозяйского сына. Питт навиделся достаточно нищеты и отчаяния на задворках элегантных улиц и скверов Лондона. Такого, чего эта девушка никогда не видела даже во сне.

Томас мысленно усмехнулся при воспоминании о том, как была напугана Шарлотта, когда он в первый раз описывал ей эти районы – в те времена он служил простым полицейским и расследовал убийства на Кейтер-стрит, а она была дочерью хозяина дома Эллисонов. Ее родители ужаснулись, заполучив Питта в свою семью; а уж когда им приходилось представлять его в обществе... От Шарлотты потребовалась необычная смелость, чтобы выйти за него замуж. При мысли об этом Томаса охватил жар, и его пальцы вцепились в край стола.

Уже в который раз Питт посмотрел на лицо мертвой девушки, и в нем снова закипела злость на то, что ее жизнь оборвалась так рано, что она еще ничего не успела испытать – и уже никогда не испытает; что для нее все закончилось.

Он отвернулся.

– Прошлой ночью, как стемнело, – мрачно произнес констебль, стоящий позади него. – Грязное дело. Знаете Парагон-уок, сэр? Классный квартал, доложу я вам. Люди из высшего общества. По крайней мере, большинство из них...

– Да, – сказал Питт с отсутствующим видом.

Конечно, он знал. Это была часть его района. Он умолчал лишь о том, почему знал Парагон-уок так хорошо: у сестры Шарлотты, Эмили, там был дом. Питт никогда не забывал об этом. Если Шарлотта вышла замуж за человека, стоящего ниже ее на социальной лестнице, Эмили соединила свою судьбу с тем, кто по общественному положению был выше ее, – и стала теперь леди Эшворд.

¹ Парагон-уок можно перевести как «совершенная аллея» или «образцовая аллея».

– Совсем не то, что можно ожидать в таком месте, как это, – продолжил констебль, неодобрительно щелкнув языком. – И куда все катится? Сначала январское убийство генерала Гордона каким-то дервишем², или кем он там был; теперь вот насильник свободно разгуливает по Парагон-уок... Кошмар какой-то! Бедная молодая девушка... Выглядит так невинно, как овечка, верно? – Он с мрачным видом уставился на мертвое тело.

Питт резко развернулся.

– Вы сказали «изнасилована»?

– Да, сэр. Разве в участке вам не сказали?

– Нет, Форбс, не сказали, – ответил Питт более резко, чем ему хотелось бы, чтобы скрыть обиду. – Они сказали только, что произошло убийство.

– Ну что ж, и убийство тоже, – резонно добавил Форбс. – Бедняжка... Мне кажется, что лучше двинуться на Парагон-уок прямо сейчас, пока еще утро, и поговорить со всеми тамошними людьми.

– Да, – согласился Питт.

Здесь делать было нечего. Причина смерти была очевидной – удар длинным остро заточенным ножом шириной, по крайней мере, в один дюйм. Единственная рана, которая оказалась смертельной...

– Точно. – Форбс последовал за Питтом, его тяжелые башмаки загромыхали по каменным ступеням.

На улице Томас с удовольствием вдохнул свежий летний воздух. Деревья уже полностью покрылись листвой. В восемь часов утра было тепло. Где-то в конце улицы раздавался цокот копыт – там ехал двухколесный экипаж; что-то насвистывал мальчишка на побегушках, спеша по своим делам...

– Мы пойдем пешком, – сказал Питт.

Он широко шагал. Его плащ развевался на ветру. На голову была натянута шляпа. Форбс семенил рядом с ним. Еще задолго до Парагон-уок констебль стал ужасно задыхаться, страстно желая про себя, чтобы впредь ему больше не доводилось исполнять служебные обязанности в паре с Питтом.

Парагон-уок был улицей с частными домами, очень элегантной, выходящей на открытый парк с цветочными клумбами и идеально высаженными деревьями. Аллея длилась около тысячи ярдов. В это утро улица выглядела словно выбеленной солнечным светом – и совершенно тихой. На ней не было ни души – даже какого-нибудь мальчишки, помощника садовника. Слух о трагедии, конечно, уже распространился по кварталу. Слуги собрались на кухнях и в кладовых и судачат. Да и хозяева наверху тоже наверняка уже обсуждают это событие за завтраком.

– Фанни Нэш, – сказал Форбс, наконец-то успокоив дыхание, когда Питт остановился.

– Что?

– Фанни Нэш, сэр, – повторил Форбс. – Так ее звали.

– Да...

На мгновение к Томасу вернулось чувство потери. Еще вчера в это время она была живой; сидела за одним из этих классических окон, решая, что надеть; втолковывала своей служанке, что нужно отложить для нее; планировала, кому нанести визит, какие сплетни распустить, а какие, напротив, приберечь... Какие прелестные мечты гуляли у нее в голове, в самом начале лондонского лета?

– Номер четыре, – Форбс подтолкнул Питта под локоть.

Про себя Томас ругнул его за бездушие, хотя тут же признал, что это несправедливо. Для Форбса здешний мир был совершенно чужим – более чужим, чем

² <M%20>Дерви<D%0>ш – в мусульманских странах бродячий аскет, живущий милостыней.

кварталы Парижа или Бордо. Констебль привык к женщинам в простых платьях, работающим от рассвета до заката; к большим семьям, ютившимся в нескольких заставленных мебелью комнатах, пропахших кухней, отхожими местами и испарениями человеческих тел. Форбс не размышлял о жизни людей из шикарных домов; людей под покровами шелковых одежд и под броней утонченных манер. Не имея дисциплины труда, они изобрели дисциплину этикета, которая стала управлять ими. Констебль не мог понять этого.

Будучи полицейским, Питт знал, что люди его профессии должны пользоваться входом, предназначенным для торговцев. Но и сейчас он не собирался делать то, что отказывался делать всю свою жизнь.

Слуга, подошедший к парадной двери, имел мрачное, ничего не выражающее лицо. Он смотрел на Питта с высокомерным пренебрежением, удовольствие от которого, впрочем, было несколько испорчено тем, что Томас был на несколько дюймов выше его.

– Инспектор Питт, из полиции, – сухо представился Томас. – Могу я поговорить с мистером и миссис Нэш?

Он уже собирался войти, но слуга твердо стоял у него на пути.

– Мистера Нэша нет дома. Я схожу и узнаю, захочет ли миссис Нэш принять вас, – сказал он с явной неприязнью, затем нехотя сделал полшага назад. – Вы можете подождать в холле.

Питт огляделся. Изнутри дом был больше, чем казался снаружи. Он имел большую парадную лестницу, ведущую на площадку второго этажа, которая расширялась в обе стороны. В холле располагались полдюжины дверей. Поднаторев в розыске украденных ценностей, Томас стал немного разбираться в изобразительном искусстве; поэтому при виде картин на стенах он смог заключить, что те были действительно хороши и могли бы удовлетворить самый взыскательный вкус. Сам Питт предпочитал картины современной импрессионистской школы с размытыми линиями, облаками и водой, сливающимися в дымке света. Был здесь еще один портрет, написанный в манере Берн-Джонса³, который привлек внимание Томаса. На нем была изображена женщина необыкновенной красоты – блестящая, гордая и чувственная.

– Господи! – просипел Форбс, буквально потеряв дыхание при виде всей этой роскоши.

Питт понял, что констебль раньше никогда не бывал в таких домах, как этот, – разве что в комнатах для прислуги. Инспектор испугался, что неуклюжесть Форбса испортит все дело.

– Почему бы тебе не пойти расспросить слуг? – предложил он. – Может быть, дворецкий или служанка выходили на улицу в это время... Люди сами не понимают, как много всего они замечают.

Форбс колебался. С одной стороны, ему хотелось остаться и продолжить знакомство с этим новым для него миром. С другой, – еще больше ему хотелось вернуться в более знакомую ему сферу и начать делать что-то, в чем он разбирался. Наконец констебль пришел к естественному для себя решению.

– Правильно, сэр! Да, я так и сделаю. Можно также порасспрашивать в других домах. Как вы верно заметили, люди не помнят, что они видели, до тех пор пока их не тряхнешь хорошенько, верно?

Вернувшийся слуга провел Питта в комнату для утренних приемов и ушел. Через пять минут появилась Джессамин Нэш. Томас сразу же узнал ее. Это была та самая женщина с портрета в холле – с теми же широко расставленными глазами, прямым взглядом, с тем же ртом, блестящими волосами, густыми и мягкими, как летнее поле.

³ <M%20>Эдвард Коли Берн-Джон<D%0>с (1833–1898), английский живописец и иллюстратор, близкий по духу к прерафаэлитам; один из наиболее видных представителей движения ремесел и искусств.

Сейчас она была одета в черное, но это никак не омрачало ее красоты. Она стояла прямо, немного задрав подбородок.

– Доброе утро, мистер Питт. Что вы хотели спросить у меня?

– Доброе утро, мэм. Прошу прощения за то, что должен побеспокоить вас при столь трагических обстоятельствах...

– Я понимаю, что это необходимо. Вам не нужно извиняться. – Она ходила по комнате с необычайной грацией, не присев и не предложив сесть ему. – Естественно, вы должны расследовать, что случилось с Фанни, с бедной девочкой... – На мгновение ее лицо застыло. – Она была еще ребенком, вы знаете... очень невинной, очень... юной.

Эти слова совпадали с оценкой самого Питта – чрезвычайно юная.

– Я сожалею, – тихо произнес Томас.

– Спасибо.

По ее тону инспектор не понял, верит ли миссис Нэш, что он действительно сожалеет, или она принимает его слова за простую вежливость, выдаваемую в силу приличий. Томасу захотелось убедить ее в искренности своих чувств. Впрочем, какое ей дело до участия какого-то полицейского...

– Скажите мне, что случилось. – Он рассматривал спину миссис Нэш, пока та стояла у окна. Она была очень стройной; линия плеч, укрытых шелком, выглядела изысканно мягкой. Голос хозяйки дома, когда она начала говорить, не выражал никаких эмоций, как будто она повторяла нечто хорошо отрепетированное заранее.

– Я была дома вчера вечером. Фанни жила здесь со мной и моим мужем. Она была сестрой моего мужа, сестрой по отцу. Я полагаю, что вы это уже знаете. Ей было всего семнадцать лет. Она была помолвлена с Алджерноном Берноном, но свадьбу отложили по крайней мере на три года – до тех пор, пока ей не исполнится двадцать.

Питт не прерывал ее. Он редко прерывал кого-либо. Даже незначительные замечания, казалось бы, совершенно не относящиеся к делу, могут позднее сыграть свою важную роль – например, выдадут скрываемые чувства, а то и нечто большее. Томас хотел узнать все, что мог, о Фанни Нэш; как другие люди воспринимали ее, и что она значила для них.

– Такой срок может показаться очень долгим для помолвки, – продолжала Джессамин, – но Фанни была очень молода. Она росла одна, вы понимаете. Мой свекор женился во второй раз. Фанни на двадцать лет моложе моего мужа. Она всегда казалась ребенком. Не то чтобы простушкой... – Миссис заколебалась, и Питт заметил, что ее длинные пальцы играют фарфоровой фигуркой на столе, крутя ее туда-сюда. – Просто... – Она искала подходящее слово. – Бесхитростная... невинная.

– И она должна была жить здесь, с вами и вашим мужем, до своего замужества?

– Да.

– Почему так?

Миссис Нэш посмотрела на Томаса с удивлением. Ее голубые глаза были просто ледяные, в них не стояло слез.

– Ее мать умерла. Естественно, мы предложили ей дом. – Она холодно и чуть заметно улыбнулась. – Молодые девушки из хорошей семьи не живут одни, мистер... извините... я забыла ваше имя.

– Питт, мэм, – ответил Томас с той же холодностью. Он был раздражен. Удивительно, что он еще мог быть чувствительным к неуважению после стольких лет такой работы. Впрочем, Питт не показывал этого, мысленно улыбаясь. Шарлотта была бы сейчас разъярена; слова вылетали бы из ее рта в тот же момент, как приходили ей в голову. – Я думал, она могла бы остаться со своим отцом.

Улыбка все-таки прорвалась на поверхность, выражение лица Томаса смягчилось. Джессамин ошибочно приняла это за самодовольство. Краска прилила к ее необыкновенно красивому лицу.

– Фанни предпочла жить с нами, – сухо произнесла она. – Это понятно. Девушка не должна появляться в свете без сопровождения – предпочтительно сопровождения леди из ее собственной семьи, которая может дать ей при случае верный совет. Я всегда была рада делать это. Вы находите это правильным, мистер... Питт? Вы же не просто потворствуете своему любопытству? Впрочем, наш образ жизни, вероятно, совсем не знаком вам.

Томас уже приготовил язвительный ответ, но вспышка гнева могла привести к разрыву отношений, а он не мог позволить себе враждовать с миссис Нэш. Инспектор поморщился.

– Может, это и не важно. Пожалуйста, продолжите ваше описание вчерашнего вечера.

Прежде чем начать говорить, Джессамин глубоко вздохнула, очевидно, принимая какое-то решение; потом пересекла комнату, подошла к полке над камином, уставленной фотографиями, и заговорила таким же ровным голосом, как и раньше:

– Фанни провела абсолютно обычный день. Конечно, у нее не было никаких обязанностей по дому... Я делала все. Утром она написала письма, заполнила свой дневник и в заранее установленный час встретила с портнихой. Пообедала здесь, дома, затем после обеда села в экипаж и поехала наносить визиты. Она говорила мне, куда едет, но я забыла. Насколько я могу помнить, люди, которых она посещала, были всегда одни и те же, и это вряд ли имеет какое-либо значение. Если вы пожелаете, то можете узнать у кучера. Обедали мы дома. Леди Помрой навестила нас. Очень скучная персона, но семейные обязательства... Впрочем, вам не понять.

На лице Питта не отразилось никаких иных чувств, кроме вежливого интереса.

– Фанни уехала рано, – продолжала миссис Нэш. – Она еще не полностью усвоила правила этикета. Иногда я думаю, что она была еще слишком молода для выхода в свет. Я пыталась обучить ее, но она несколько простовата. В ней, кажется, совершенно отсутствовала способность притворяться. Даже простейшее увиливание для нее – пытка. Она уехала, чтобы выполнить мелкое поручение, какая-то книжка для леди Камминг-Гульд... По крайней мере, она так сказала.

– Вы думаете, что это было не так? – спросил Томас.

Легкая дрожь пробежала по лицу хозяйки дома, но Питт не понял, из-за чего. Шарлотта, возможно, могла бы объяснить ему это, но ее не было рядом.

– Я думаю, что все было так, как она сказала, – ответила Джессамин. – Как я уже объясняла вам, мистер... э... – Она махнула рукой в раздражении. – Бедная Фанни не умела обманывать. Она была бесхитростной, словно ребенок.

Питт редко видел бесхитростного ребенка. Бестактного – может быть; но большинство детей, которых он припоминал, обладали естественной хитростью лисы и упрямством финансиста, хотя, конечно, некоторые из них и были добродушны. Кстати, уже третий раз Джессамин упомянула о незрелости Фанни...

– Хорошо, я могу спросить об этом леди Камминг-Гульд? – сказал Томас с улыбкой, которая, как он надеялся, была такой же простодушной, как и у Фанни.

Леди Нэш резко отвернулась от него, высокомерно приподняв одно плечо, словно его лицо внезапно напомнило ей, кем он является, и что нужно указать надлежащее ему место.

– Леди Помрой ушла, и я была одна, когда... – Ее голос вдруг задрожал, и в первый раз она, казалось, потеряла самообладание. – Когда Фанни вернулась. – Джессамин попыталась не всхлипывать, но ей это не удавалось. Она вынуждена была достать носовой платок, смять его, и эти неловкие движения словно помогли ей вернуться в разговор.

– Фанни вошла и упала прямо мне на руки. Я не знаю, откуда у бедной девочки нашлись силы, чтобы пройти так далеко. Удивительно. Она умерла почти сразу же после этого.

– Я очень вам сочувствую.

Миссис Нэш посмотрела на Томаса; ее лицо было лишено каких бы то ни было эмоций, будто она спала. Затем она провела рукой по юбке из тяжелой тафты, может быть, вспомнив о крови, которая была на ней вчера ночью.

– Она сказала что-нибудь? – тихо спросил Питт. – Хоть что-то?

– Нет, мистер Питт. Она была еле жива к тому времени.

Инспектор чуть повернулся, чтобы взглянуть на широкие французские двери.

– Она вошла отсюда? – Это был единственный путь, которым можно было пройти, не встретив слугу, и вопрос казался довольно естественным.

Ее снова затрясло.

– Да.

Томас подошел к дверям и выглянул наружу. Так... маленький газон, пустой участок, окруженный лавровыми кустами, и поросшая травой дорожка позади них. Между этим садом и следующим стояла стена. Без сомнения, к тому времени, как Питт закроет это дело, он будет знать во всех подробностях каждый уголок всех этих дворов – если только не произойдет что-то неожиданное, и появится простой ответ. Но покамест такового не было, и Томас вернулся к хозяйке дома.

– Есть ли какая-нибудь дорожка, которая соединяет ваш сад с другими вдоль этого проезда? Калитки или двери в стене?

И снова ни тени эмоций на ее лице.

– Да, но вряд ли она выбрала этот путь, чтобы прийти сюда. Она была у леди Камминг-Гульд.

Томас должен послать Форбса по всем садам проверить, есть ли там следы крови. Рана, такая как эта, должна оставить изрядные пятна. Кроме того, можно найти сломанные растения или отпечатки следов на гравии или траве.

– Где живет леди Камминг-Гульд? – спросил Томас.

– С лордом и леди Эшворд, – ответила Джессамин. – Она их тетушка, кажется, и приехала нынче на открытие сезона балов.

С лордом и леди Эшворд... Итак, Фанни Нэш в ночь, когда была убита, находилась в доме Эмили... Память снова вернула Томаса к Шарлотте и Эмили – как он впервые увидел их на Кейтер-стрит, когда расследовал серию убийств в тех местах. В то время каждый боялся каждого, глядя другими глазами на друзей и даже на родственников. Все подозревали всех, и эти невысказанные подозрения могли бы отравить их носителю всю оставшуюся жизнь. Родственные отношения уже начинали шататься и разваливаться под тяжестью этих подозрений... Теперь насилие и грязные, безобразные тайны снова были близко – возможно, как раз в этом самом доме. Кошмары вернулись. Леденящие душу вопросы, о которых было боязно даже подумать, снова вставали во плоти.

– Имеются ли проходы между всеми садами? – осторожно спросил Питт, гоня от себя прочь воспоминания о Кейтер-стрит. – Может, Фанни вернулась таким путем? Был очень приятный летний день.

Леди Нэш посмотрела на него с легким удивлением.

– Я думаю, что это маловероятно, мистер Питт. Фанни ведь была одета в вечернее платье! Она вышла и вернулась по дороге. Должно быть, к ней пристал какой-то сумасшедший.

В голову Томасу пришла смешная мысль – спросить хозяйку дома, сколько сумасшедших живет на Парагон-уок. Возможно, она не знает, что на одном конце проезда кучера экипажей ожидают своих хозяев, чтобы забрать их, когда закончится вечер, а у другого конца постоянно дежурит констебль...

Питт перенес вес своего тела с одной ноги на другую и выпрямился.

– Тогда мне лучше всего пойти и поговорить с леди Камминг-Гульд. Спасибо, миссис Нэш. Я надеюсь, нам удастся раскрыть это дело быстро, и мне не придется часто вас беспокоить.

– Я тоже на это надеюсь, – холодно кивнула Джессамин. – Желаю всего хорошего.

